

DOI 10.32726/2411-3417-2025-4-107-124

УДК 94

Антон Крутиков

Русская революция в воспоминаниях минского губернатора В.А. Друцкого-Соколинского. I. От войны к революции

Аннотация. *Статья посвящена воспоминаниям видного представителя российского губернаторского корпуса князя Владимира Андреевича Друцкого-Соколинского. Занимая пост вице-губернатора Могилева, он оказался в эпицентре событий, связанных с кризисом Верховного Главнокомандования летом 1915 г. Его свидетельство об обстоятельствах отставки великого князя раскрывает ценные подробности о роли генералитета и либеральных политиков в попытках изоляции монарха и радикализации общества. Назначенный в дальнейшем минским губернатором, В.А. Друцкой-Соколинский был в гуще революционных потрясений февраля — марта 1917 г. в Минске. Анализируя их факторы, он подчеркивал роль созданных для помощи фронту общественных организаций в подготовке революционного взрыва. Образованные в начале войны земский и городской союзы нередко оказывались проводниками антиправительственной пропаганды, а в прифронтовой Минской губернии они стали легальным прикрытием для подпольной политической работы в армии. Неподконтрольность этих учреждений гражданской администрации и их близость к фронту минский губернатор указывал в числе главных вызовов для местной власти, так и не разрешенных до 1917 г. В статье использованы опубликованные воспоминания, а также уникальные документы из семейного архива князей Друцких-Соколинских, предоставленные автору потомками В.А. Друцкого-Соколинского.*

Ключевые слова: *В.А. Друцкой-Соколинский, Российская империя, Первая мировая война, Ставка Верховного главнокомандующего, Русская революция, Февральская революция, Минская губерния.*

Революция, Гражданская война и эмиграция разделили судьбы России на «до» и «после», когда миллионы соотечественников оказались вынужденно оторванными от родины. Размышления о пережитом в годы революционной смуты, поиск ответов на «вечные русские вопросы» о причинах национальной катастрофы стали для многих из них важным элементом исторической рефлексии.

Среди воспоминаний представителей высшей российской бюрократии эпохи Первой мировой войны и Русской революции особое место занимают мемуары видного

Сведения об авторе: *КРУТИКОВ Антон Алексеевич — историк, член Международного общества по изучению Первой мировой войны, bialyorzel1000@gmail.com.*

представителя российского губернаторского корпуса князя Владимира Андреевича Друцкого-Соколинского. Обстоятельства создания этого малоизвестного источника, как и его возвращение современному читателю, совпали с переломными моментами русской истории.

В.А. Друцкой-Соколинский писал свои мемуары в Италии в 1930-е годы. Главной мотивацией автора и его ясно выраженной надеждой была возможность публикации этого документа в будущей обновленной России. «Хотя я и не придаю исторической ценности этим воспоминаниям, носящим чисто личный и беллетристический характер, — отмечал автор, — однако все же в глубине души надеюсь, что мой сын или кто другой, обнародовав когда-нибудь эти заметки, тем самым внесет крупницу в общую сокровищницу истории, помня слова Ж. Занд, что “*Tout est l’Histoire*”¹» [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству... С. 40].

После крушения на рубеже 1990-х годов коммунистической системы и власти партийной бюрократии начался период возвращения на родину имен многих ранее незаслуженно забытых соотечественников и их трудов. В 1994 и 2000 гг. сын Владимира Андреевича, Александр Владимирович Друцкой-Соколинский, смог опубликовать в Орле в издательстве «Орлик» воспоминания своего отца [Друцкой-Соколинский. Да благословенна память... Моя память и грусть...]. Вторым том воспоминаний, наиболее ценный с исторической точки зрения, был переиздан издательством «Русский путь» в 2010 г. небольшим тиражом под заглавием «На службе отечеству: Записки русского губернатора». По словам автора предисловия А.В. Друцкого-Соколинского, «отец писал с надеждой, что его администраторский опыт и глубокое знание гражданской организации страны, с ее качествами и недостатками, смогут послужить полезным документальным материалом для будущих строителей русского государства» [Друцкой-Соколинский. Вступительное слово... С. 9]. Возвращение этого труда отечественному читателю совпало с глубокими идейными, политическими и экономическими трансформациями российского общества. Однако и три десятилетия спустя после первой публикации воспоминаний значительный пласт семейной истории князей Друцких-Соколинских, включая семейные предания, неопубликованные документы и рукописи, продолжает оставаться неизвестным исследователям и общественности.

Автору этих строк удалось разыскать в Европе потомков Владимира Андреевича и установить контакт с его внуком — Александром Андреевичем Друцким-Соколинским. Родившийся в Лондоне в 1963 г. и получивший образование в Бельгии и Кембриджском университете, А.А. Друцкой-Соколинский в настоящее время живет в Брюсселе. Потомок старинного русского княжеского рода из семьи эмигрантов первой волны, он стал успешным современным художником, известным под именем Sasha Drutskoy [Curriculum].

1 «Все есть история».

Именно он оказался сегодня главным хранителем обширного семейного архива князей Друцких-Соколинских. В переписке Александр Андреевич неоднократно подчеркивал интерес своей семьи к возможно более полной реконструкции исторического контекста, в котором жил его именитый предок, органичному включению его судьбы в сложную ткань российской истории XX в. В одном из писем, отправленном в октябре 2025 г., А.А. Друцкой-Соколинский сообщил об обнаружении ранее неопубликованной рукописи его деда и других документов, представляющих несомненный исторический интерес: «Обладая поразительной памятью (ведь никаких дневников он в России не вел), мой дед, несмотря на тяжелые условия жизни в Италии и неизбежные духовные страдания, сумел честно и без предвзятости изложить свое свидетельство о пережитом» [Письмо...].

Александр Андреевич любезно поделился уникальными документами из семейного архива, которые касаются периода жизни его деда в годы Гражданской войны в 1918–1920 гг. Эти исторические материалы, наравне с воспоминаниями семьи Друцких-Соколинских и уже опубликованными мемуарами В. А. Друцкого-Соколинского, легли в основу данного исследования.

* * *

Владимир Андреевич Друцкой-Соколинский родился в Санкт-Петербурге в 1880 г. Он принадлежал к древнему княжескому роду, берущему начало от вероятных потомков Рюрика, Друцких князей, и внесенному в дворянские родословные книги Могилевской и Смоленской губерний [Алфавитный список... С. 13]. Его отец, Андрей Владимирович, окончил юридический факультет Московского университета и переехал в Санкт-Петербург, где поступил на службу в военное министерство. В этом ведомстве он закончил свою карьеру в должности директора эмеритального отделения — подразделения, ответственного за назначение пенсий отставным военнослужащим. Сам же Владимир Андреевич в 1901 г. завершил юридическое образование в престижном Императорском училище правоведения и после краткого пребывания при Министерстве внутренних дел был переведен на службу в Царство Польское. В 1905 г. он был назначен правителем канцелярии Петроковского губернатора, заняв ключевую должность в системе губернского управления. В первый же год службы В.А. Друцкому-Соколинскому пришлось пережить испытания революции 1905–1907 гг., события которой распространились на польские губернии. Во время революционных волнений в крупных промышленных центрах Петроковской губернии — Лодзи, Ченстохове, Новорадомске — ему, «как члену русской администрации, пришлось пережить трудные минуты, граничившие порой с риском для собственной жизни» [Друцкой-Соколинский. Вступительное слово... С. 7]. В 1907 г. он был переведен на должность советника губернского правления в Кострому.

Административные способности молодого чиновника были замечены в 1913 г., когда он участвовал в организации юбилейных торжеств в Костроме по случаю празднования 300-летия царствования дома Романовых. Усердие В.А. Друцкого-Соколинского в подготовке Романовского юбилея было вознаграждено лично российским монархом

Николаем II. По воспоминаниям его сына, Андрея Владимировича, «отец проявил в своей работе исключительные административные способности, усугубляемые его природной энергичностью и решимостью, так как в том же 1913 году, за несколько дней до начала костромских торжеств, он был назначен вице-губернатором Могилева. Это был капитальный перелом в его карьере. Он выходил из строя подчиненного чиновничества на поприще широкой независимой деятельности» [Там же].

Ставка Верховного главнокомандующего

В августе 1914 г. началась Первая мировая война, в ходе которой Могилевская губерния, как и другие губернии Западного края, стала ближним тылом русской армии. В 1915 г., после начала «великого отступления», Могилев превратился в новый стратегический центр военного управления в связи с переездом туда Ставки Верховного главнокомандующего. Занимавший этот пост великий князь Николай Николаевич планировал перенести свой штаб из Барановичей на восток, для этого требовалось найти подходящее место, имевшее надежное транспортное сообщение с фронтом и Петроградом. Так могилевский вице-губернатор В.А. Друцкой-Соколинский неожиданно для себя оказался в эпицентре «большой политики», связанной с переездом Ставки и кризисом Верховного главнокомандования летом 1915 г.

Генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего генерал Ю.Н. Данилов отмечал: «В середине августа, когда наши армии Северо-Западного фронта, отходившие от Нарева, средней Вислы и из Галичины, стали выходить на фронт Осовец — Белосток — Брест, в штабе Верховного Главнокомандующего был поднят вопрос о необходимости переместить Ставку более к востоку, чтобы предоставить все пункты вдоль рокадной линии Двинск — Вильна — Барановичи — Ровно в распоряжение фронтов. Для нового размещения Ставки было намечено два пункта: Борисов и Могилев» [Данилов. С. 382].

В начале августа 1915 г. в Могилев был направлен комендант штаба Верховного главнокомандующего генерал-майор С.П. Саханский, в прошлом командир гвардейского жандармского эскадрона, ответственный за безопасность великого князя Николая Николаевича. Целью его командировки был выбор наиболее удобного расположения Ставки и поиск необходимых помещений для штаба. После осмотра города и губернских учреждений он сообщил вице-губернатору В.А. Друцкому-Соколинскому, что вопрос решен в пользу Могилева. Могилев оказался единственным городом, где существовала необходимая инфраструктура для быстрого переезда великого князя и его штаба. Для размещения Ставки предполагалось использовать губернское правление, канцелярию губернатора, некоторые частные здания, а также окружной суд. На освобождение зданий губернским властям было выделено «не более 48 часов» [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству... С. 29].

Как вспоминал впоследствии В.А. Друцкой-Соколинский, события последовали с головокружительной быстротой: «В Могилев стали прибывать специальные коман-

ды для технического оборудования Ставки; протягивались бесконечные телефонные линии, устанавливался прямой провод, телеграфные аппараты и т.д. Особо интенсивно шли работы в моем губернском правлении, где должна была разместиться оперативная часть Штаба и находиться квартиры начальника Штаба, генерал-квартирмейстера и других высших офицеров этого отдела Штаба» [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству... С. 29].

В этот период губернатор А.И. Пильц находился в отъезде и Могилевской губернией фактически управлял вице-губернатор. В его руках в значительной мере оказалась сосредоточена организационная работа по переезду Ставки. Круг административных полномочий Друцкого-Соколинского был чрезвычайно широк: «Помимо текущих дел и почти ежедневного председательствования в различных губернских присутствиях, массу времени приходилось уделять, с одной стороны, вопросу передвижения и устройства беженцев, бесконечной вереницей проходивших через губернию, а отчасти в ней оседавших, а с другой — устройству, расквартированию и довольствованию огромных контингентов полиции, эвакуированных из занятых германскими войсками губерний и приданных нам для охраны Ставки и окрестного района» [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству... С. 49]. Подготовить город к прибытию великого князя удалось в кратчайший срок — по воспоминаниям генерала Ю.Н. Данилова, 7 (20) августа 1915 г. «Верховный Главнокомандующий со всем Штабом покинул Барановичи, и на следующий день мы прибыли в Могилев. Местные власти и общество торжественно приветствовали прибытие Верховного Главнокомандующего Русской Армией в город» [Данилов. С. 382].

Вслед за великим князем в губернский город были переведены остававшиеся в Барановичах отделы Ставки. «С этого момента, — вспоминал вице-губернатор, — наш маленький Могилев стал сразу всероссийским центром и свидетелем всей последующей государственной русской трагедии» [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству... С. 33].

На следующий день после переезда Ставки, 9 (21) августа 1915 г., в Могилев прибыл военный министр генерал А.А. Поливанов, который привез великому князю рескрипт императора о его назначении наместником на Кавказ и главнокомандующим Кавказским фронтом. Во главе армии встал Николай II, приняв на себя звание Верховного главнокомандующего. Император также отправил в отставку начальника штаба генерала Н.Н. Янушкевича и генерал-квартирмейстера Ю.Н. Данилова, которые позднее получили новые назначения.

Начальником штаба Верховного главнокомандующего стал генерал М.В. Алексеев, к заслугам которого относили организованное отступление русской армии летом 1915 г. После его прибытия в Могилев 19 августа (1 сентября) 1915 г. ближайшими помощниками нового начальника штаба были назначены генералы, заслужившие его личное доверие, в том числе М.С. Пустовойтенко и В.Е. Борисов [Кондзеровский. С. 73]. Новым командующим армиями Западного фронта был назначен генерал А.Е. Эверт

[Данилов. С. 385]. Северным фронтом с 18 августа 1915 г. командовал генерал Н.В. Рузский. Таким образом, уже в августе — сентябре 1915 г. в высшем армейском командовании произошли назначения военачальников, сыгравших затем заметную роль в революционных потрясениях февраля 1917 г. и отречении Николая II.

Отставка великого князя Николая Николаевича и его ближайших помощников нашла эмоциональный отклик в воспоминаниях В.А. Друцкой-Соколинского. Как и многие современники, он придавал этой отставке политическое значение. К тому времени Ставка Верховного главнокомандующего превратилась в орган не только военного, но и политического управления. Хронологически это совпало с установлением двоевластия военной и гражданской администраций, достигшего критической точки в период «великого отступления» 1915 г. Обширный круг вопросов, который разрешала Ставка, напрямую затрагивал компетенцию Совета министров и губернаторов, а фигура великого князя Николая Николаевича рассматривалась в качестве объединяющего символа для российских либеральных сил, оппозиционных политиков Думы и конституционалистов.

«Великий Князь Николай Николаевич, — отмечал В.А. Друцкой-Соколинский, — разойдясь с Царским Селом и Петроградом, молчаливо возглавив либеральное движение, не мог нанести более существенного, более решительного удара и не только самодержавию, но и монархическим началам вообще. В империи определилась не только двойственность течений, но и двойственность политических и государственных центров: существовали Царское Село и Петроград, с одной стороны, и Ставка Верховного Главнокомандующего — с другой» [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству... С. 32].

На протяжении первого года войны Великий князь усердно трудился над укреплением собственной популярности в войсках и обществе, в чем действительно преуспел, хотя реальные результаты его деятельности в период «великого отступления» оставляли желать лучшего. Постепенно Верховный главнокомандующий уверовал в свою особую значимость и установил контакты с либеральными членами Совета министров и оппозиционными думскими кругами. Под давлением Николая Николаевича и большинства кабинета Николай II в июне 1915 г. отправил в отставку четырех крайне правых министров (в том числе, ненавидимого либералами министра внутренних дел Н.А. Маклакова и военного министра В.А. Сухомлинова). Государь также согласился на возобновление заседаний Государственной Думы, которая в июле 1915 г. выступила за создание «правительства, составленного из лиц, пользующихся доверием страны» [Государственная Дума. С. 189]. Этот лозунг поддержала и часть фракций Государственного совета. Таким образом, политическое влияние возглавлявшего Ставку Николая Николаевича далеко выходило за рамки военного управления. Речь шла об установлении *de facto* «ответственного министерства», то есть, конституционной формы правления.

Будучи очевидцем событий, В.А. Друцкой-Соколинский особо подчеркивал недовольство высших чинов Ставки увольнением великого князя, что выразилось в их

попытках отменить решение Николая II, сохранив фигуру дяди императора на посту Верховного главнокомандующего в качестве самостоятельного центра власти. Сообщение вице-губернатора о «заговоре» в Могилеве, направленном против императора, можно считать преувеличением, но подобные настроения в окружении великого князя действительно имели место и нашли отражение в воспоминаниях других мемуаристов. Поколебать решимость Николая II самому встать во главе армии в августе 1915 г. планировалось через посредничество других членов императорской фамилии, в частности великого князя Дмитрия Павловича и вдовствующей императрицы Марии Федоровны [Кондзеровский. С. 66]. Эти попытки не дали результата, однако проводы великого князя из Могилева на Кавказ имели характер политической демонстрации [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству... С. 45].

Подобно многим своим современникам, В.А. Друцкой-Соколинский отмечал кризис элит, который начал разворачиваться в конце лета 1915 г. в качестве одной из главных предпосылок будущей революции. Совпадение интересов Ставки и либеральной общественности, направивших свои усилия на изоляцию монарха и правительства, расценивался им как вызов, особенно опасный на фоне военных неудач. Владимир Андреевич поддерживал решение императора принять верховное командование армией, логически вытекавшее из необходимости устранить опасное «двоевластие» Ставки и Петрограда, а также перейти к новой стратегии на фронте, где осенью 1915 г. германское наступление уже исчерпало себя. В то же время В.А. Друцкой-Соколинский отмечал противоречивый характер назначения нового начальника штаба М.В. Алексеева, которому в значительной мере были делегированы полномочия по управлению фронтами. Генерал Алексеев пользовался уважением и доверием Николая II, однако, как считал мемуарист, это расположение не всегда было взаимным¹. По мнению Друцкого-Соколинского, «Алексеев не был сторонником политического направления, взглядов и системы управления, олицетворяемых главой тогдашнего правительства И.Л. Горемыкиным. Мне думается, что Алексеев был детищем той среды, из которой он вышел, — русской мелкой буржуазии, среды, как известно, наиболее либеральной и прогрессивной, видевшей счастье народа в быстром поступательном движении вперед как в области чисто политической, так и равно в социальной. Если бы Алексеев был членом Государственной думы, то, думается мне, он примкнул бы к прогрессивному блоку и подал бы голос за ответственное министерство. Взгляды Алексеева не могли не быть известны Государю, и все же они не помешали Царю назначить того своим начальником Штаба» [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству... С. 47-48].

После прибытия Николая II в Могилев 23 августа 1915 г. В.А. Друцкой-Соколинский удостоился высочайшей аудиенции и в последующие месяцы был тесно связан с деятельностью Ставки как политического центра и высшего органа военного управления. По должности вице-губернатору приходилось часто встречаться с чинами Ставки; помимо неформального общения с генералами, дважды в неделю он получал приглаше-

1 Генерал М.В. Алексеев происходил из семьи бывшего солдата и участника обороны Севастополя В.А. Алексеева, получившего офицерский чин исключительно благодаря личным заслугам.

ния на «высочайшие завтраки» и не раз имел личные беседы с царем. Вице-губернатор был представлен и членам императорской фамилии: с октября 1915 г. Могилев регулярно посещала императрица Александра Федоровна вместе с дочерьми. Наследник престола цесаревич Алексей практически все время находился вместе с отцом [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству... С. 51].

В своих воспоминаниях В.А. Друцкой-Соколинский отмечал глубокие перемены в настроениях Ставки, произошедшие после смены Верховного главнокомандующего. В критический момент войны самодержавная власть стремилась найти опору в единении с армией и народом, фигура монарха теперь символизировала новый этап мобилизации общественных сил. «Тут же, в Могилеве, в серой провинциальной обстановке, в трагическое время величайшего национального бедствия — войны я увидел и Царя, а затем и Царицу простыми людьми, равными нам и подверженными всем общечеловеческим слабостям. Поистине, в Могилеве я увидел русскую самодержавную власть смиренно сошедшую к народу, как бы ища у него поддержки, как бы желая в прикосновении с землей обрести силу для дальнейшей борьбы и терпения» [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству... С. 53].

В инициированных царем переменах в Ставке ясно обозначилась проблема отчуждения между Николаем II и его ближайшим окружением, включая членов императорской фамилии и представителей генералитета. При выборе своих ближайших помощников монарх и Верховный главнокомандующий был вынужден руководствоваться не только их профессиональными компетенциями, но и соображениями лояльности, при этом круг достойных кандидатур постоянно сужался.

Новый состав Ставки разительно отличался от светского штаба великого князя Николая Николаевича, состоявшего из блестящих представителей петербургской гвардии [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству... С. 33]. Новый начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал М.В. Алексеев и его помощники генералы М.С. Пустовойтенко и В.Е. Борисов принадлежали к тем, кто воспринимал армию в качестве «вооруженного народа». По мнению генерала Борисова, эпоха борьбы на фронте, которой руководили «господа в белых перчатках», подошла к концу [Кондзеровский. С. 75]. Странник консервативных монархических взглядов, В.А. Друцкой-Соколинский разделял идею «народной войны», считая монарха единственным легитимным символом, объединяющим нацию, и выступая против любых проявлений политического двоевластия.

Административная деятельность В.А. Друцкого-Соколинского в Могилеве, как и прежде в Костроме, была замечена и оценена императором. Новый министр внутренних дел А.А. Хвостов подготовил доклад о его назначении в администрацию Холма, учреждения которого и часть жителей были эвакуированы на восток. На этой должности мог быть эффективно использован административный опыт В.А. Друцкого-Соколинского в деле обустройства беженцев. Однако Николай II лично исправил доклад и предложил другое назначение. В августе 1916 г., с объявлением особой монаршей благо-

дарности, Владимир Андреевич был назначен губернатором Минской губернии. В 36 лет В.А. Друцкой-Соколинский стал самым молодым губернатором России, перед ним открывались блестящие карьерные перспективы [Бригадин, Лукашевич. С. 328; Памятная книжка... С. 31].

Минский губернатор

Минская губерния считалась прифронтовой и сильно пострадала от войны. Через ее западную часть проходила линия русско-германских траншей, весь район был сильно укреплен, прифронтовые уезды находились под прямым управлением военных властей. Минскому губернатору приходилось делить ответственность сразу с несколькими высшими военными инстанциями и их руководителями, среди которых были командующий Западным фронтом генерал А.Е. Эверт, начальник снабжения фронта генерал-лейтенант князь Н.Е. Туманов и командующий Минского военного округа генерал от кавалерии барон Е.А. Рауш фон Траубенберг (со штабом в Смоленске) [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству... С. 97].

В ближайших к фронту районах царил административный хаос, население было лишено полицейской и судебной защиты, отсутствовали земские начальники, было невозможно проводить мобилизацию. Население привлекалось военным командованием к натуральным повинностям, продовольствие и фураж реквизировались у частных владельцев в пользу армии. Города Пинск и Новогрудок находились в руках немцев, их административные учреждения были эвакуированы на восток [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству... С. 90].

В.А. Друцкой-Соколинский был более всего обеспокоен продовольственной проблемой в губернии, которая в условиях официально установленного приоритета военных перевозок казалась неразрешимой. Предыдущий губернатор А.Г. Чернявский возложил всю ответственность за продовольственное дело на Минскую городскую управу (т.е. на общественное самоуправление), отстранившись от этой важной административной работы. Минская губерния в сентябре 1916 г. получила не более 25% необходимого ей продовольствия, собственные ресурсы отсутствовали, а сельское и отчасти городское население западных уездов находилось в критическом положении [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству... С. 92].

«Об экономическом и хозяйственном положении крестьян прифронтовой полосы нечего и говорить, — писал Владимир Андреевич. — Крестьяне работали на себя лишь урывками, в редкие свободные от натуральных повинностей дни. Большинство из них прибилося к ротным котлам, отягощая тем самым войска и все же живя впроголодь. Охота к работе отсутствовала, ибо не только излишки продуктов, но и жизненно необходимое немедленно реквизировалось войсками. Крестьянин махнул рукой на свое хозяйство и жил лишь сегодняшним днем» [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству... С. 91].

Новому губернатору удалось наладить рабочие отношения с Минской городской управой — по его словам, он был первым начальником губернии, посетившим это общественное учреждение за последние 25 лет. Выступая перед служащими управы, он подчеркнул важность «особо внимательного отношения к продовольственному делу, а также [...] необходимость для местных коммерсантов и торговцев отказаться от чрезмерных барышей и заработков, помня, какие материальные лишения испытывает благодаря военному времени городское население» [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству... С. 91].

Местная пресса восторженно откликнулась на В.А. Друцкого-Соколинского визит в орган городского самоуправления статьей под заглавием «Высший представитель государственной власти среди городских избранников» [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству... С. 91]. Несмотря на консервативный характер политических взглядов нового губернатора, общественное самоуправление Минска и городской голова С.Б. Хржонстовский относились к нему с уважением. Всего через несколько месяцев, в ходе Февральской революции, когда жизнь представителей старой власти оказалась под угрозой, это положительно отразилось на его судьбе.

Еще более важным оказалось сотрудничество В.А. Друцкого-Соколинского и главного начальника снабжения Западного фронта генерал-лейтенанта Н.Е. Туманова. От генерала зависела организация железнодорожных перевозок, и только с его помощью губернатор мог рассчитывать на улучшение ситуации с поставками продовольствия. Н.Е. Туманов увидел в губернаторе своего единомышленника, и их совместная работа в Минске оказалась весьма эффективной, что нашло отражение в воспоминаниях Владимира Андреевича [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству... С. 97].

Несмотря на конструктивное сотрудничество В.А. Друцкого-Соколинского с городским самоуправлением Минска и военными властями, новые общественные союзы, призванные правительством к помощи армии, не вызывали у него никакого доверия. Справедливо отметив решающую роль государства не только в организации и регламентации работы этих учреждений, но и их финансировании, губернатор выдвинул серьезные обвинения против «заправил-общественников», в том числе в подчиненной ему Минской губернии.

Руководители и работники общественных союзов, по его словам, «устроили вакханалию» вокруг сотен миллионов казенных рублей, «в которой самый интерес дела тонул в личных вожделениях тысяч примазавшихся к делу лиц, искавших, с одной стороны, способа уклониться от опасной службы в строю, с другой — стремившихся к личной наживе, в-третьих, нашедших в учреждениях союзов способ для революционной пропаганды в самой армии и в ее ближайшем тылу» [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству... С. 109].

В силу характера своей деятельности все общественные союзы, помогавшие фронту, не были подчинены губернатору и не подлежали контролю гражданской администра-

ции. Их работа в прифронтовой Минской губернии содержала определенный политический подтекст, в первую очередь из-за состава участников — либеральной, а зачастую и революционной ориентации.

«Я убежден, — писал Друцкой-Соколинский, — что история русского государственного переворота отведет не одну страницу деятельности союзов в подготовке умов к восприятию крайних революционных идей и пропаганде самой идеи революции» [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству... С. 110].

Специфика земских учреждений в дореволюционной России, особенно губернского земства, заключалась в присвоении этим институтом роли народного представительства и оппозиционном характере их деятельности по отношению к монарху, правительству и губернским властям [Куликов. С. 32]. Это позволило выборным органам самоуправления делегировать в созданные ими во время войны земский и городской союзы специфический тип руководителей, которые рассматривали общественные институты в качестве альтернативной формы власти, *a priori* более эффективной, чем царская бюрократия. Возникшее на этой почве «двоевластие» бюрократии и земских структур было тем более опасным, что финансово и административно поддерживалось правительством.

Созданные в целях «помощи фронту» общественные организации в годы войны нередко оказывались проводниками антиправительственной пропаганды и легальным прикрытием для подпольной партийной работы в армии. Эта фрондирующая интеллигенция, прекрасно описанная К.Г. Паустовским в его автобиографической «Повести о жизни» (глава «Гнилая зима»), не зная, благодаря своему статусу, опасностей «окопной правды», воображала себя «новой элитой» и мечтала о будущем переустройстве России и всего мира. В политической плоскости она ориентировалась на думских либеральных политиков либо на революционные партии, была в целом настроена против правительства и не видела смысла в продолжении войны [Паустовский. С. 687].

Военные власти и губернатор были осведомлены о подлинной роли общественных организаций, действовавших в прифронтовых районах. По данным начальника контрразведывательного отделения 2-й армии Западного фронта, российские большевики задолго до 1917 г. широко использовали в целях агитации и пропаганды летучие продовольственные отряды Союза городов — общественной организации, созданной в целях помощи фронту. «Таковые отряды очень удобны для этого благодаря своей подвижности в районе передовых позиций», — писал контрразведчик [Суряев. С. 351].

«Создавая таким образом недовольных в тылу, — отмечал минский губернатор, — оба союза и земгор вели на фронте, на самой его линии, и во всей прифронтовой полосе плохо маскированную антигосударственную революционную пропаганду. В этом отношении исчерпывающую роль и значение, помимо лечебных заведений союзов, сыграли различные питательные пункты, этапы, склады и лавочки, разбросанные густой

сеть вдоль всего фронта и в ближайшей к фронту местности» [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству... С. 113].

Характерно, что эти два совершенно независимых свидетельства совпадают в детальной оценке деятельности общественных организаций, которые вместо декларируемой помощи фронту вели подпольную политическую работу.

За сравнительно короткий период своей административной деятельности в Минске губернатор имел несколько столкновений с руководством местных общественных союзов — главным образом защищая права нанятых ими рабочих. Масштабы раскрытых губернатором злоупотреблений поражали воображение даже самых опытных из его подчиненных, включая врачебного инспектора и помощника полицмейстера г. Минска.

В ноябре 1916 г. группа законтрактованных Земгором работников из Казани пожаловалась губернатору, что после прибытия в Минск их две недели держали в неотапливаемом бараке, а затем, вместо обещанного трудоустройства в госпиталях и лазаретах, отправили на окопные работы. После вмешательства военной и гражданской власти — Н.Е. Туманова и В.А. Друцкого-Соколинского — всех их немедленно отправили домой. Губернатор настаивал, что подобные факты не были результатом ошибки, халатности или трагической случайности — это была целенаправленная работа по дискредитации власти. «Центральная власть знала о преступной деятельности и пропаганде, ведомой агентами этих учреждений среди войск и народа, но в данном случае, думаю мне, не придавала ей должного значения, писал он. — В Петрограде верили в дисциплину войск и бдительность, осведомленность и авторитет командного состава, способного не допустить и пресечь заразу. Относительно же революционной работы в тылу правительство, несомненно, рассчитывало на свои органы администрации и полиции. Если в последнем случае расчет правительства оказался правильным и революционная пропаганда в народе дала абсолютно ничтожные результаты, то относительно войск, и особенно запасных частей, расположенных в тылу, ставка его на бдительность и авторитет командного состава, офицеров была решительно и трагически бита» [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству... С. 113].

Служебная поездка В.А. Друцкого-Соколинского в Петроград в начале декабря 1916 г. принесла ему массу новых ценных наблюдений и сформировала устойчивое впечатление надвигающейся революционной катастрофы. Политическая жизнь в столице разительно отличалась от спокойного и патриархального уклада провинциального Минска. «К концу первого дня из всего мною виденного и слышанного вырисовывалась картина такого безысходного трагизма, от которой я буквально впал в отчаянье. Впервые я ощутил возможность катастрофы. Войной в Петрограде буквально никто не интересовался. Все были утомлены сверх меры, все обмякли, и все это на почве экономических затруднений и продовольственных лишений. Все роптали, все сетовали, все негодовали, и, главное, все сплетничали, и все злословили. Меня, как свежего человека, поразило то обстоятельство, что в петербургском обществе конца 1916 года исчезли совершенно сдерживающие начала, исчезли те верхи, которые до сего вре-

мени считались недоступными, не подлежащими критике. Мне думается, что к этому времени все нравственные пределы и границы были утеряны. Была общая разнузданность мнений, слов, выражений и, пожалуй, чувств. Мне думается, что к этому времени утеряны были национальная монолитность, сопротивляемость, а с ней и жертвенность, дух порядка и нравственной дисциплины» [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству... С. 192].

Говоря об утрате нравственных ориентиров, В.А. Друцкой-Соколинский имел в виду скандалы вокруг Г.Е. Распутина и эмоциональную реакцию общества, связывавшего это имя с именем императрицы Александры Федоровны как силы, «действовавшей на слабую волю царя» [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству... С. 192]. Надежды образованной части петроградского общества, по словам мемуариста, концентрировались вокруг Государственной думы. «Это собрание якобы лучших людей бурлило, но пока с некоторым остатком осторожности, хотя правые в лице Пуришкевича уже определенно протянули руку левым, сойдясь с ними на том же распутинском вопросе» [Там же].

Правительство в столице было лишено реальной власти. Посетив по долгу службы министерства земледелия и внутренних дел, где губернатор стремился разрешить в первую очередь продовольственный вопрос, он отметил явную дисфункцию государственного аппарата. Министерство земледелия во главе с А.А. Риттихом не обладало актуальной информацией о состоянии дел в прифронтовых губерниях. Министр обещал В.А. Друцкому-Соколинскому приехать в Минск лично, чтобы ознакомиться с положением на месте. Не добившись приема у министра внутренних дел А.Д. Протопопова, занятого придворными и бюрократическими интригами (глава МВД отказался принять губернатора, только что приехавшего с фронта), В.А. Друцкой-Соколинский пробыл в столице всего два дня и вернулся в Минск.

Русская революция

Вечером 27 февраля 1917 г. В.А. Друцкой-Соколинский пригласил на традиционный обед в губернаторском доме уездных предводителей дворянства во главе с губернским предводителем. В провинциальном Минске жизнь шла своим чередом, в городе почти не было сведений о революционных беспорядках в столице, отрывочным сообщениям газет никто не придавал значения. В этой обстановке откровением прозвучал срочный доклад начальника железнодорожного жандармского управления, передавшего губернатору знаменитую телеграмму железнодорожникам комиссара исполкома Думы А.А. Бубликова об образовании Временного комитета Государственной Думы [Телеграмма...]. Стало ясно, что в Петрограде произошло вооруженное восстание [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству... С. 215].

Следует признать, что минский губернатор оказался одним из немногих начальников губерний, открыто выступивших в поддержку законной власти и оказавших сопротивление стихийному распространению революции в Минске и его окрестностях.

Князь придерживался консервативных политических взглядов и был убежденным монархистом, особо гордившимся придворным званием камергера, полученным в 1914 г. Несмотря на неравенство сил сторонников революции и правительства, В.А. Друцкой-Соколинский решил исполнить свой служебный долг до конца.

В первые дни революции его главной задачей было поддержание порядка в Минске и уездах губернии. «Отпустив жандармского офицера, я просил всех моих гостей спуститься ко мне в кабинет, где, прочтя им телеграмму, предложил немедленно отправиться обратно к себе в уезды» [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству... С. 215]. Губернатор также приказал начальнику почтово-телеграфного округа не отправлять адресатам поступающих агентских телеграмм, чтобы избежать распространения паники, а доставлять их ему лично. Одновременно он распорядился занять центральный телеграф нарядом полиции. Уездным исправникам были даны инструкции шифрованными телеграммами, в Минск были вызваны игуменский, луцкий и бобруйский конные полицейские отряды [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству... С. 215-216].

Митинги в войсковых частях Минска начались на следующий день, 28 февраля 1917 г. Обыватели, напуганные происходящими событиями, не принимали в них почти никакого участия. «К вечеру этого дня, — вспоминал Владимир Андреевич, — в городе стреляли, среди офицеров были убитые, но полиция была еще на местах» [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству... С. 217].

Требование губернатора к военным властям предоставить патроны отрядам полицейской конной стражи саботировалось начальником артиллерийского снабжения Западного фронта генералом Э.Б. Похвисневым. По его словам, патроны следовало заказать в Вязьме и они могли прибыть «не ранее недели». Он убеждал губернатора, что спасти положение было уже нельзя: вооружать полицию бессмысленно, «ибо против нее солдаты и народ, а поэтому она будет задавлена». [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству... С. 216].

Таким образом, ввиду неравенства сил, все административные усилия губернатора по поддержанию порядка оказались напрасны. «Я не сомневался, — писал Друцкой-Соколинский, — что мой идеальный отряд стражи в составе 100 коней, состоявший в большинстве из старых унтер-офицеров, преданных режиму, смел бы все толпы демонстрантов и вообще сохранил бы полный порядок среди гражданского населения города, но он был, конечно, бессилён сопротивляться целым войсковым частям, во множестве расположенным в городе, которые и составляли главный контингент манифестантов» [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству... С. 216].

Вечером 28 февраля губернатор получил приказание командующего Западным фронтом генерала А.Е. Эверта убрать полицию с улиц — охрана города переходила к народной милиции. Начальником милиции Минска был назначен статистик Всероссийского земского союза на Западном фронте М.А. Михайлов — партийный псевдоним Михаила Фрунзе, будущего известного советского военного деятеля. Подчиненные ему отря-

ды и рабочие дружины быстро захватили полицейское управление, а также сыскное отделение, взяв под контроль важнейшие государственные учреждения. Таким образом, у революционеров в Минске уже имелись готовые военные и административные структуры, действовавшие под прикрытием земских и городских учреждений. Оценка, данная минским губернатором деструктивной роли общественных организаций, призванных помогать фронту, полностью подтвердилась.

С 28 февраля телеграф перестал принимать и отправлять телеграммы губернатора. Бывший начальник губернии оказался в полной изоляции, которая усугублялась исчезновением со службы части подчиненных — например, начальника губернского жандармского управления полковника Н.Ф. Бабчинского [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству... С. 218]. Мать и сестру В.А. Друцкой-Соколинский отправил в Вознесенский монастырь, а сам остался в губернаторском доме, ожидая развязки.

Ночью 3 марта был получен манифест об отречении Николая II, после чего губернатор решил сделать последние необходимые распоряжения. «Утром 3 марта я вызвал вице-губернатора, советника губернского правления и правителя канцелярии и приказал первому из них приступить к истреблению всей секретной переписки, дабы не дать в руки толпы и ее вожаков фамилий и фактов, а остальным приказал изъять из казначейства, пока моя подпись еще что-либо значит, все наличные остатки кредитов. Спешно с помощью полицеймейстера и исправника составлены были списки чинов городской полиции и стражи, был издан приказ об их роспуске и выданы всем чинам двухмесячные оклады. Приказав разоружить полицию и свалить казенную одежду, я во избежание глумления над честными слугами приказал посоветовать городским и стражникам не оставаться в городе, дабы избежать мести распоясавшейся толпы» [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству... С. 219].

Утром 6 марта 1917 г. в Минске были получены телеграммы председателя Временного правительства и министра внутренних дел Г.Е. Львова об отстранении от должности губернатора и передаче управления губернией председателю губернской земской управы Б.Н. Самойленко. Новая власть вступила в свои права.

С самого начала Февральской революции князь В.А. Друцкой-Соколинский воспринял ее как «переворот». Будучи профессиональным юристом, бывший губернатор особенно выделял элемент предательства и заговора в потрясениях февраля — марта 1917 г. Главной движущей силой революции, по его мнению, стали запасные полки русской армии, расквартированные в тылу, где благодаря близорукости командования были созданы идеальные условия для революционной агитации и пропаганды. Население вверенной ему Минской губернии оказалось во многом пассивным наблюдателем событий, в уездах до 1 марта 1917 г. сохранялось полное спокойствие и не происходило никаких революционных выступлений. «В 1917 году власть была взорвана, и, конечно, в центре. Произошло это без участия народа, и Россия погибла. Дальнейшее развитие русских событий ясно доказывает, что в момент заговора и самого соверше-

ния переворота о народе не думали и им не интересовались» [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству... С. 251].

Народные массы в российской провинции, в том числе в губернском Минске, согласно мнению князя, высказанному в 1918 г., «в основе своей были чужды революции, а также оставались пассивными и с момента ее взрыва»¹. Русская же либеральная общественность, по его словам, изначально видела в войне «не героическую эпопею, не поле для исполнения своего священного долга, но лишь одно наступление благоприятных условий для последнего и решительного похода на власть и сам режим» [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству... С. 251].

В.А. Друцкой-Соколинский подчеркивал бездействие командующего Западным фронтом генерала А.Е. Эверта, который решил не вмешиваться в развитие событий на улицах Минска, оказавшихся в дни революции в полной власти военных. Беседы с бывшим начальником штаба Верховного Главнокомандующего генералом М.В. Алексеевым привели его к мысли, что генералитет решил пожертвовать страной и монархией ради спасения армии. Отречение Николая II рассматривалось в высшей военной среде в качестве необходимой «жертвы», призванной успокоить образованную часть общества и остановить эксцессы в армии. «Что касается самой революции, — писал князь, — то мне представляется, что, как и все главнокомандующие фронтами, Алексеев, видимо, отнесся к ней исключительно с военной точки зрения: лишь бы не затронула революция фронта, лишь бы не затронула духа, а отсюда дисциплины войск. Фронт отмежевывался от тыла и страны, предоставляя последней гореть пожаром революции и надеясь локализовать этот пожар на самой границе линии фронта» [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству... С. 49].

По его свидетельству, спустя несколько месяцев, в период Государственного совещания августа 1917 г., генералы А.Е. Эверт и М.В. Алексеев поняли свою ошибку, но остановить революционную стихию было уже невозможно. Генерал Эверт полагал, что, «всколыхнув петроградским переворотом всю Россию, Государственная дума и ее Исполнительный комитет сумеют оградить армию от всякой революционной пропаганды и потому будут так же спокойно и уверенно продолжать свое дело защиты Родины, как будто ничего существенного и важного в тылу у них, в самом сердце России, и не произошло. “Какое легкомыслие! — заканчивал всякий раз наш разговор А.Е. Эверт. — Как я мог думать и рассчитывать, что, потеряв монархию и оставив Россию в руках Родзянко и его присных, я смогу продолжать войну с немцами, а не лишусь в самый короткий срок и всей своей армии, которая под влиянием событий в тылу обратится в дезорганизованную массу, толпу, совершенно небоеспособный сброд!”» [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству... С. 49-50]. По мнению мемуариста, расстрелянный большевиками в Можайске в 1918 г. генерал-лейтенант А.Е. Эверт «полностью заплатил за свой не злонамеренный в отношении Государя поступок» [Там же].

1 Друцкой-Соколинский В.А. Воспоминания 1918–1919 / Рукопись. Архив семьи князей Друцких-Соколинских.

В.А. Друцкой-Соколинский приходил к выводу, что вызванный мировой войной кризис элит открыл дорогу Русской революции, особенно указывая на роль высшего генералитета, в руках которого были все средства для наведения порядка на фронте и в тылу. В несостоятельности военных и гражданских элит, по его мнению, был трагизм положения России, «явившегося логическим следствием величайшего во всей, может быть, истории человечества государственно-национального предательства — переворота конца февраля 1917 года» [3].

По объективным причинам князь В.А. Друцкой-Соколинский никогда так и не принял Русскую революцию. Его юридическое образование, монархические взгляды и административный опыт русского губернатора были непреодолимым препятствием для положительного восприятия законов и логики революционной социальной катастрофы. Однако его труд мемуариста оказался свободен от партийной предвзятости и идеологической конъюнктуры, что значительно повышает ценность этого исторического источника. Доминирующей чертой его государственной деятельности, проходящей красной нитью через все воспоминания, является приверженность законности и справедливости, осознание честного и неуклонного исполнения долга, безграничной преданности делу на благо отечества.

Литература

- Алфавитный список дворянских родов, внесенных в родословные дворянские книги Могилевской губернии. Могилев. 1909.
- Бригадин П.И., Лукашевич А.М.* Минские губернаторы: история власти. Минск. 2009. С. 328–341.
- Государственная дума. Четвёртый созыв. Стенографические отчеты. 1915 г. Сессия четвёртая. Петроград. 1915.
- Данилов Ю.Н.* Россия в Мировой войне 1914–1915 гг. Берлин. 1924.
- Друцкой-Соколинский А.В.* Вступительное слово ко второму изданию книги // На службе Отечеству: Записки русского губернатора, 1914–1918. М. 2010. С. 5–10.
- Друцкой-Соколинский В.А.* Да благословенна память: Записки русского дворянина (1880–1914 гг.). Орел. 1996.
- Друцкой-Соколинский В.А.* 1917. До и после. Записки русского князя (1880–1943). М. 2018.
- Друцкой-Соколинский В.А.* Моя радость и грусть. Записки русского эмигранта (1920–1943 гг.). Орел. 2000.
- Друцкой-Соколинский В.А.* На службе Отечеству: Записки русского губернатора, 1914–1918. М. 2010.
- Кондзеровский П.К.* В Ставке Верховного. 1914–1917: Воспоминания дежурного генерала при Верховном Главнокомандующем. Париж. 1967.
- Куликов С.В.* Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань. 2004.
- Памятная книжка Минской губернии на 1917 год. Минск. 1916.
- Паустовский К.Г.* Собрание сочинений в восьми томах. Т. 4. Повесть о жизни. Кн. 1–3. М. 1967.
- Письмо князя А.А. Друцкого-Соколинского, 12 октября 2025 г. // Личный архив автора.

Суряев В.Н. Великая европейская война. Беларусь. Фронт. — URL: narochpark.by/wp-content/uploads/2019/02/vssurae__velikaya_voyna._belarus._front.pdf (дата обращения: 14.01.2026).

Телеграмма комиссара Исполкома Государственной думы А. А. Бубликова управляющему и начальнику движения Виндавской железной дороги. Принята 1 марта 1917 г. в 11 ч. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1751. А. 12.; Красный архив, 1927. Т. 2 (21). С. 36. — URL: docs.historyrussia.org/ru/nodes/80233?ysclid=mkedyvapg7198076553 (дата обращения: 05.01.2026).

Curriculum. — URL: sashadrutskoy.com/curriculum/ (date of access: 14.01.2026).